

В Е Р А
Калачкава

От
всего
сердца

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

Секреты женского счастья

Вера Колочкова

От всего сердца

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колочкова В. А.

От всего сердца / В. А. Колочкова — «Эксмо», 2020 — (Секреты женского счастья)

ISBN 978-5-04-112101-3

Варя в отчаянии: муж в тюрьме по ложному обвинению, квартирная хозяйка выгоняет на улицу с двумя детьми, работы нет, родных, которые могут помочь, тоже – она же детдомовская. Осталось только молиться, надеясь на чудо и добрых людей. Кто бы мог подумать, что помощь совсем близко и добрым ангелом окажется незнакомая старушка с собачкой.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112101-3

© Колочкова В. А., 2020
© Эксмо, 2020

Вера Колочкова

От всего сердца

© Колочкова В., текст, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

– Пресвятая Матерь Божия, помоги мне... Я не знаю, как правильно просить у Тебя помощи, но помоги мне, Пресвятая Матерь Божия...

Варя сглотнула подступивший к горлу комок – и без того слова с трудом выговариваются! Нет, надо постараться взять себя в руки, сосредоточиться... Вон и Пресвятая Матерь Божия Казанская смотрит на нее вполне благожелательно, словно спрашивает – чего ты хочешь от меня, говори уже наконец...

Но ведь нельзя, наверное, вот так просить сразу, наскоком? Надо для начала молитву правильную прочесть? А она, кроме «Отче наш», и не знает ничего... Но с этой молитвой следует, наверное, к Самому Господу обращаться, а проблема-то у нее чисто женская! Может быть, Пресвятая Матерь Божия лучше поймет и услышит!

А впрочем, какая разница... Тем более и проблема не совсем женская, ведь она не за себя просит, а за детей. И за мужа. За любимого мужа Гришу. Неужели Господь не видит, каково ему там – страдать ни за что...

Повернувшись к святому лику, она перекрестилась истово, проговорила дрожащим от слез голосом:

– Господи, прошу Тебя, помоги... Помоги мне, Господи... Услышь меня, пожалуйста... Отче наш, Иже еси на небесех... На небесех... Иже... Иже еси...

Ну вот! Забыла слова молитвы, как же так-то! Надо было сто раз повторить, прежде чем в церковь идти! Всего одну молитву знает – и забыла! Да и ту случайно выучила когда-то, в детдоме еще... К ним новенькая девчонка в группу попала, Танька Берестова, которая плакала все время, плакала и молилась... Все над ней смеялись, а Варя жалела ее. Потому что одно дело – с рождения в детдом попасть, а другое дело – от папы с мамой, которые взяли да погибли вместе, в один день...

Ладно. Не до Таньки Берестовой сейчас. Надо просить, если пришла. За детей просить, за мужа... И за день завтрашний... Потому что сегодняшний день еще можно пережить как-то, а вот завтра что будет, неизвестно. Завтра – хоть пропадай. Не в переносном смысле, а в самом прямом, что ни на есть. Господи, что же с ней и детьми будет завтра?..

Слезный комок так и не усидел в горле, прорвался наружу. И всхлипнула неприлично громко, и от испуга прижала ко рту ладонь, будто ладонью можно рыдание удержать! Еще и увидела краем глаза, как отворилась дверь где-то сбоку и тень мелькнула темная...

Обернулась испуганно, втянула голову в плечи. И не тень это вовсе, это священник в рясе. Батюшка. Аккурат к ней направляется. Наверное, ругать сейчас будет – чего ты, мол, вместо тихой молитвы вздумала разрыдаться?

А она и не вздумала. Само получилось. Тем более и слезы от испуга ушли...

Да и лицо у батюшки такое доброе, глаза участливые. И голос тихий, спокойный:

– У тебя что-то случилось, сестра? Что тебя привело в храм? Горе какое-то?

– Да, да... У меня случилось, да...

– Так поведай мне, легче станет. Идем присядем на скамью... Вот сюда...

Варя села рядом с батюшкой, вздохнула, отерла щеки ладонями, потом повторила тихо:

– У меня случилось, да... И не просто случилось, а... Я не знаю, как дальше жить, что делать... Не знаю, что завтра будет со мной и детьми... Понимаете, мы завтра на улице окажемся. Идти нам некуда, понимаете?

– А дети маленькие у тебя?

– Да, маленькие... Дочке восемь лет, а сыну три годика всего.

– А муж твой где, милая?

– Он... Он в колонии сейчас. Ему пять лет дали. А потом еще три года поселения...

– За что?

– Да ни за что, батюшка. Оговорили его. Не виноват он, я точно знаю. Очень корю себя, что не смогла ему помочь толком... Денег на адвоката не нашла. На мать его понадеялась, а она... Она не захотела ему помочь... Гришу когда забрали, она меня во всем обвинила и даже из квартиры выгнала... С детьми... Я сама детдомовская, идти мне некуда. Пока какие-то деньги оставались, квартиру снимала, а сейчас деньги кончились, платить нечем... И на работу не могу устроиться... У меня ж теперь прописки нет, а без прописки даже ребенка в садик – никак... И на работу мне никак... Я ж его одного дома не оставлю! Квартирная хозяйка сказала, что сегодня последний день был, чтобы завтра съехали, а куда нам съезжать? Совсем некуда... Вот я и пришла – помощи у Бога просить... Да только как Он поможет мне – в такой ситуации? Если уже завтра нас выгонят... Когда Он успеет помочь?

– Поможет, милая. Обязательно поможет. Надо только поверить в Его помощь и просить от души, от сердца. И надеяться обязательно надо. Бог пошлет тебе в помощь добрых людей...

– Вы думаете, они есть, добрые люди? Которые возьмут и помогут? Что-то не верю я... Неоткуда им взяться, батюшка. Так не бывает, чтобы... Нет, не верю...

– И зря. На самом деле добрых людей очень много. Просто они живут на свете, занимаются своими делами и даже не подозревают о том, сколько в них доброты, пока невостремленной. Всею свое время и свое обстоятельство положено, вот в чем дело.

– Нет... Нет, батюшка. Люди в основном злые, я это точно знаю. Я в детдоме росла, я видела, какие они злые кругом...

– Не надо так говорить про всех людей, милая. Надо просто верить, что люди добрые. Будешь им верить сама увидишь. Не отчаивайся, не впадай в уныние. Уныние – это грех.

– Да как же не впасть в это самое уныние, если я завтра с детьми на улице окажусь! Я ж говорю – совсем идти некуда! На вокзале нам жить, что ли?

– Ну зачем же на вокзале? Сюда приходи. При храме есть комнатка, устройшься на первое время. Поживешь. А там и Господь не оставит участием... Сердце свое открой для искренней просьбы, для надежды... Верь – и все образуется...

– А правда можно? Мне можно сюда, к вам? С детьми?

– Можно. Приходи, никто тебя не прогонит.

– Ой, спасибо вам... Даже не знаю, как благодарить... А то ведь и в самом деле – хоть пропадай...

– Господь не оставит своею милостью, если просишь от сердца. Все у тебя образуется, все будет хорошо. Обязательно встретишь добрых людей, они помогут... Ну, иди себе, милая. Поди, дети дома одни...

– Нет, что вы! Я их с подружкой оставила. С Юлькой. Мы с детдома еще дружим. Она очень хорошая, она одна мне помогает как может.

Батюшка улыбнулся, кивнул головой, поднялся с места. Проговорил тихо, будто извиняясь:

– Скоро вечерняя служба начнется, мне надо идти... Если завтра придешь, спроси отца Михаила, я к тебе выйду. Договорились?

– Да, батюшка... Спасибо... А у меня сыночка тоже Михаилом зовут, надо же...

– Ну, иди с Богом. Иди...

Церковный дворик выглядел празднично от свежего снега. Когда Варя входила в церковь, он только-только пошел – валил белыми хлопьями. А теперь уже по-другому... Теперь крупной метет, и кажется, кто-то щедрой рукой сыплет в темноту серебро. Красиво очень. Особенно красиво блестит снежное серебро в свете фонарей на улице. И на душе будто светлее становится. Хотя это не от снега, наверное... Это после беседы с бабушкой на душе светлее...

В кармане зашелся лихорадочной дрожью мобильник – ну да, она ж его на режим вибрации поставила, чтобы в церкви не трезвонил...

Ага, Юлька звонит. Устала ее ждать, наверное.

– Варь, ты скоро? Мне уже убежать надо... Да и Мишка кукуется, мамку требует. Я уж так и этак перед ним гопака выплясываю, чуть не колесом хожу, а он все равно хнычет. Давай уже иди домой, а?

– Да иду, Юль, иду! Я быстро! А Даша из школы пришла?

– Пришла, пришла... Вернее, прибежала. И кто это такое придумал, чтобы второклашки во вторую смену учились? Страшно же ребенку по темным переулкам ходить...

– Да мы с Мишкой ее обычно встречать ходим... А вторая смена – это не страшно. Главное, что вообще в школу в этом районе взяли, а то бы так и пришлось Дашку на другой конец города возить... Как она там, кстати? В хорошем настроении пришла?

– Да не очень... Уже и всплакнуть успела. Кое-как я ее успокоила.

– А что такое, Юль?

– Ой, сама разберешься, когда придешь...

– Ну скажи – что?

– Да она говорит, письмо потеряла, боится тебе сказать...

– Какое письмо?

– Какое-какое... От Гриши, по всей видимости...

– От Гриши?!

– Ну да... Ты же днем с Мишкой на рынок за валенками ездила, она сама из дома в школу уходила... Закрывает дверь, спустилась на первый этаж и увидела в почтовом ящике письмо. А дверца у ящика не закрывается. Вот Дашка и решила, что так письмо сохраннее будет, если она его с собой в школу возьмет, а вечером тебе отдаст. Сунула в варежку и пошла... А когда из школы возвращалась, варежку потеряла. Сегодня же теплее обычного, вон даже снег повалил... Спихватилась, когда в квартиру зашла, хотела бежать на улицу письмо искать, да я ее не пустила... Мало ли что... На мне же ответственность будет... Ты уж сама с ней разбирайся, ладно?

– Ой, Юль... Ну как же так? Это же первое письмо от Гриши из колонии... Ну как так-то?

– Ладно, не причитай. И Дашку не ругай. Она и без того ужасно переживает. Я специально тебе рассказала, чтобы ты не обрушилась на нее с досадой.

– Нет, Юль... Ну как так можно было! Первое письмо от Гриши... С обратным адресом...

– Да ты думаешь, я не понимаю, что ли? Я все понимаю... Но что делать, случилось и случилось! Взяла и выпала варежка с письмом из кармана... Убивать теперь Дашку, что ли? Ты это давай... Смирись как-то, пока домой идешь... И поторопись, мне уходить надо!

– Бегу, Юль, бегу...

Телефон всхлипнул – Юлька отключилась. Варя сунула его в карман, застыла на секунду, подняв голову вверх, прошептала тихо:

– Да что же это такое, Господи? Это и есть Твоя помощь, что ли? Ну почему, почему так?

Надо было торопиться, да ноги не шли. И плакать очень хотелось. Вот возьмет сейчас и разрыдается прямо посередине улицы...

Может, и разрыдалась бы, да неловко стало. Навстречу шла женщина с собакой на поводке и хоть и не смотрела на нее вовсе, но все равно – как-то неловко при ней рыдать...

Вот женщина поравнялась с ней, и Варя услышала, как она бормочет что-то себе под нос. Наверное, сама с собой разговаривает. Так бывает от одиночества, когда больше поговорить не с кем. Особенно с пожилыми женщинами такое случается, Гришина бабушка тоже поначалу сама с собой разговаривала, когда они у нее жить начали... А потом перестала. Потому что было с кем говорить. А когда с Гришей беда случилась, бабушка умерла от горя...

Женщина прошла мимо, не обращая на нее никакого внимания. Варя услышала обрывок ее речи – оказывается, она с собакой беседует, а не сама с собой!

– Нет, Мотя, ты не прав, совсем не прав... Когда снег идет, это очень красиво, Мотя... Я понимаю, что на обочину тебе труднее шмыгнуть, когда много снега навалено, и все же, Мотя, и все же... Ты иди и не думай о том, что тебе туда шмыгнуть хочется, просто иди себе, и все... Красотой любуйся, как я...

Странно: бормотание женщины будто слегка успокоило ее. Рассмешило даже. Идет, главное, душевный разговор с собакой ведет! Вся в себя провалилась, прохожих не замечает... И собака бежит рядом так, словно очень внимательно ее слушает, поводок не рвет...

Варя вздохнула, улыбнулась грустно. Юлька права, не надо Дашу ругать. Что случилось, то и случилось. Придется ждать следующего письма от Гриши... Оно ведь придет, обязательно придет. И вообще... Может, все как-то образуется... Может, квартирная хозяйка передумает выгонять их из квартиры, еще подождет. Может, Юльке удастся в следующем месяце заработать побольше, и она одолжит ей денег... Хотя и без того ей с Юлькой никогда не рассчитаться! Что бы она без нее делала вообще?

Да, положение у нее совсем отчаянное. И все же, и все же... Как там батюшка сказал? Надо верить, Господь не оставит участием... Сердце открыть искренней просьбой, надеждой... Надо верить, и все образуется...

Хотя как оно образуется, как?! Если завтра утром квартирная хозяйка появится на пороге? За ночь, что ли, как-то образуется? Ага...

* * *

Лидия Васильевна оглянулась вслед молодой женщине, попавшейся навстречу. Странная была женщина, да. Лицо такое... Приметное. Исполненное отчаяния. Вдобавок очень бледное, будто от голода.

Наверное, эта девушка подумала про нее: вот сумасшедшая старушка идет... То ли сама с собой разговаривает, то ли со своей собакой. Так и прошли мимо, отметив друг друга одним и тем же словом – странные.

А может, надо было остановиться и спросить у этой юной женщины, что случилось? Почему такое отчаяние у нее на лице? Хотя... Это похоже на досужее любопытство, наверное. А она терпеть не может досужего любопытства. Да мало ли что у человека случилось! Что, теперь каждому встречному душу наизнанку выворачивать? Нынче и без того много любителей развелось в чужую душу залезть – хлебом не корми...

– Или я не права, Мотя, как думаешь? – обратилась Лидия Васильевна к собаке, слегка потянув поводок.

Мотя встал, глянул на хозяйку недовольно. Вильнул хвостом. Лидия Васильевна вздохнула, проговорила тихо:

– Значит, ты считаешь, я не права... Считаешь, надо бы спросить... Но понимаешь ли, друг мой Мотя, не каждый человек может запросто рассказать о себе первому встречному. Вот я, например, не могу. Я обязательно отвечу на такой вопрос дежурной фразой: спасибо, мол, со мной все в порядке... И эта женщина мне наверняка так бы ответила: все у меня в порядке, мол... Что звучит уже само себе довольно однозначно: идите куда шли, любопытная старушка с собачкой! Ты понял меня, Мотя, надеюсь?

Мотя забежал вперед, отряхнул снег со спины, твякнул коротко и сердито, что могло означать только одно – пошли уже, хозяйка! Ишь разговорилась! А я, между прочим, замерз! И ужинать пора, между прочим!

– Сейчас, сейчас, – с готовностью откликнулась Лидия Васильевна. – Сейчас еще через школьный скверик пройдем – и домой... Хотя надо бы еще в супермаркет заскочить, хлеба купить и колбасы... Или лучше сыра... Подождешь меня у входа, ладно? Я знаю, что ты у входа оставаться не любишь, но что делать? С собакой в магазин не пускают...

Она давно заметила за собой это несчастье, то есть бесконечные разговоры то с Мотей, то с самой собой... Заметила, но сопротивляться не стала. Быстренько нашла оправдание и успокоилась – это же старость... Да плюс одиночество... Хотя соседка по лестничной клетке, добрейшая Нина Степановна, старательно убеждала ее в том, что семьдесят – это вовсе не старость, это еще о-го-го какая жизненная возможность и что иные дамы в семьдесят еще и замуж успевают сбегать... А она смеялась в ответ: «Вот именно, что сбегать, Нина Степановна! Сбегать туда бегом и сразу прыг – и на тот свет...»

Самой-то Нине Степановне уже под восемьдесят. Живет одна, из квартиры не выходит, передвигается с трудом и вздрагивает от каждого звонка в дверь – вот они, черные риелторы, за мной пришли! Хочешь не хочешь, а приходится ей помогать – в магазин за продуктами сходить, уборку сделать, по весне окна помыть... А Нина Степановна с ней, стало быть, комплиментом рассчитывается: «Какие твои годы, милая Лидочка, ты еще любую молодуху за пояс заткнешь...»

Вот никогда не понимала этой то ли поговорки, то ли пословицы – «За пояс заткнешь». Зачем, чтобы доказать свое превосходство, надо затыкать кого-то за пояс? Как это можно себе представить вообще: идет человек, а у него на поясе висит кто-то? Чтобы другие наблюдали и проникались видимым превосходством? Глупость какая-то...

Хотя Паша, покойный муж, всегда говорил, что у нее слишком формальный взгляд на вещи, что воображения не хватает. Наверное, ему виднее было относительно воображения. Потому что хорошему адвокату всего должно хватать, и воображения тоже. А Паша был хорошим адвокатом, одним из лучших в городе... И Никитушка, сынок, был бы хорошим адвокатом со временем, если бы не отошел от этой стези и не подался в частный сыск... Ну как, как она могла отпустить его в это сомнительное дело, как? Почему материнское сердце не дрогнуло, не испугалось? Зачем отпустила сына под шальную бандитскую пулю? Почему судьба так распорядилась, что пришлось после смерти мужа еще и сына единственного хоронить?

О-о-о... Все, началось. Теперь из этих бесконечных «почему» не выберешься. Уже почти пятнадцать лет минуло, как Паши с Никитушкой в живых нет, а боль никак утихнуть не может. Да и не утихнет никогда, наверное. И что такое старость и одиночество по сравнению с этой болью? Да ничего, пустяки сущие. Подумаешь, разговаривать сама с собой начала, что такого! А с Мотей поговорить – так вообще отдельное удовольствие... Он же умный, он все понимает! Только вредничает иногда...

А где у нас Мотя, кстати? Исчез... Задумалась, поводок отпустила, он и воспользовался! Опять под кустом какой-нибудь прошлогодний сухарик разрыл! Ну что ты будешь с ним делать, а? Будто его дома не кормят!

– Мотя! Мотя! Мотя-а-а-а! – закричала на весь скверик так, что сама испугалась своего голоса.

Ах, да вот же он... Мчится к ней по дорожке. И в зубах что-то несет. Подбежал, раскрыл пасть, выронил свою добычу ей под ноги.

– Что? Что это, Мотя, что?

Наклонилась, всмотрелась... Варешка, что ли? Подняла, повертела в руках. Ну да, детская варешка. Потерял кто-то.

– И что мы с ней делать будем, Моть? Какие у тебя предложения? Давай, что ли, на скамью положим, может, тот самый мальчишка-растеряшка завтра пойдет в школу и увидит... Хотя варежка девчоночья, скорее. Красивая, с узорами. Ой, а там что-то есть, Моть... В варежке-то... Смотри-ка, письмо... Еще и нераспечатанное...

Лидия Васильевна подержала конверт в руках, потом прошла несколько шагов, встала под свет фонаря, пытаясь разглядеть адрес. И даже присвистнула тихо:

– А письмо-то из мест не столь отдаленных, Моть... Судя по адресу... Представляешь? И почему-то нераспечатанное... До адресата не добралось, что ли? Странно, странно... Не успели прочесть, а уже потеряли? Так, сейчас посмотрим, кто тут у нас получатель. Ага... Это недалеко, это на соседней улице...

Мотя заскулил тревожно, предчувствуя недоброе. Ему очень хотелось домой, на теплый коврик в прихожей, к сытному ужину, и вовсе не хотелось того, чтобы хозяйка стояла тут и рассуждала, далеко живет адресат или не очень... Да какая разница, кто где живет, если домой надо идти быстрее! Зачем он только эту варежку хозяйке притащил – себе на беду, получается!

– Мотя, надо это письмо по адресу отнести! – вынесла свой суровый вердикт Лидия Васильевна, и Мотя заскулил еще тоскливее. – Да как тебе не стыдно, Мотя! А может, там это письмо потеряли, и огорчатся, и плачут даже? Я ж тебе объясняю, откуда оно... А оттуда, знаешь, особенно писем ждут...

Мотя свесил голову набок, поднял лапу, потряс ею мелко, демонстрируя, что замерз окончательно. И снова заскулил – домой хочу, очень хочу домой...

– Ну ладно, ладно! – сдалась Лидия Васильевна, втискивая письмо в узкий карман шубы. – Сейчас пойдем домой, согреемся, я тебя покормлю... А потом еще один моцион совершим, отнесем письмо, ладно? Тем более сейчас еще и время такое... Придем, начнем в квартиру звонить, а там взрослые с работы домой не пришли, а мы станем в дверь ломиться... Еще и детей напугаем! Ладно, идем в супермаркет, потом домой! А потом уже письмо отнесем...

Мотя взвизгнул протестующе, завертелся вокруг хозяйки юлой, и она всплеснула руками удивленно:

– Что, и в супермаркет не хочешь? А как же насчет колбаски, Моть? Ну ладно, ладно... Видать, и впрямь замерз... Ладно, идем домой... Но потом обязательно еще раз на улицу выйдем и письмо отнесем, договорились?

Мотя вильнул хвостом и быстро потрусил по дорожке. Лидия Васильевна с трудом догнала его уже на выходе из скверика, едва успев схватить поводок:

– Да куда ты бежишь, торопыга, там же проезжая часть! Хочешь под машину попасть, что ли? Беда с тобой, Мотя... Неугомонный какой...

* * *

– Ну как ты могла, Даш? Зачем ты вообще это письмо из почтового ящика вытащила? Ну ладно, испугалась, что кто-нибудь его заберет, это я понимаю... Как ты умудрилась потерять-то его?

Даша сидела на диване, потупившись, едва слышно хлопала носом. Юлька смотрела на Варю сердито, потом не выдержала, проговорила резко:

– Ну Варь! Я же просила тебя: не наезжай на Дашку! Ну чего ты, в самом деле! Она ж как лучше хотела!

– Да, мам... Я хотела как лучше, правда... – жалобно сквозь слезы пропищала Даша. – Я испугалась, мам... Я слышала, как тетенька с верхнего этажа жаловалась, будто у нее почту воруют... А наш ящик не запирается, у него даже дверка отломана, и всем видно, что там письмо лежит!

– Да кому наше письмо нужно, Даш? Кто бы его мог взять? Зачем? И мало ли что там тетенька с верхнего этажа говорила!

– Ну, знаешь... – снова вступилась за Дашу Юлька. – Может, оно и незачем, а придурков везде хватает! Пацаны могли похулиганить, например!

– Ну да... А так лучше вышло, что ли? Взяла и потеряла письмо! – с горечью махнула рукой Варя, и сама уже понимая, что перегибает палку, выплескивая свою досаду на дочь. И добавила быстро: – Ладно, не будем больше об этом... Забыли, всё...

– Ну вот, давно бы так... – тихо проворчала Юлька. – И нечего убиваться, подумаешь... Гриша твой еще сто писем тебе напишет...

– Да, но он же будет переживать, почему я не ответила! А я адреса не знаю!

– Так ведь узнать можно, наверное...

– Где? Ты знаешь, где узнавать? Куда идти?

– Нет... Но можно пошарить в интернете... Подумаешь, проблема! Это что, государственная тайна, что ли, в какой колонии человек сидит? Ну хочешь, я все узнаю, а потом вместе с тобой туда схожу? Что, им адреса жалко? Можно же объяснить, что просто письмо потеряли...

Даша смотрела на них распахнутыми от ужаса глазами, потом опустила голову, снова заплакала.

– Дашунь, хватит... – осторожно погладила ее по плечу Юлька и требовательно глянула на подругу: – Варь, ну скажи ей!

– Даш, ну все, успокойся... Не плачь, моя хорошая... Ты и впрямь не виновата, просто я... Очень расстроилась, ты пойми...

Даша хотела что-то сказать, но вдруг заплакала еще горше и проговорила, надрывно всхлипывая:

– Мне... мне папу жалко... Он будет от нас письма ждать, а мы... Это все из-за меня, я знаю...

Сидящий на коленях у Юльки Мишка тоже заревел, глядя на сестру. Юлька проговорила нараспев, с укором глянув на Варю:

– Ну все, развели всемирный потоп... Дашка, хоть ты прекрати плакать! Вон Мишку перепугала! Слышь, ну хватит, Даш...

– Все, я больше не буду, тетя Юль... – распрямила спину девочка, героически сдерживая слезы.

– Вот и правильно, вот и не надо... У нас в детдоме вообще плакальчиков не уважали, например! Знаешь, как иногда хотелось поплакать? Да и было из-за чего... Но мы никогда с твоей мамой не плакали. Правда, Варь?

Варя кивнула головой, улыбнулась грустно. Потом проговорила тихо, будто извиняясь:

– Они же не в детдоме, Юль... Зачем их пугать...

– А я пугаю, что ли? – распахнула глаза Юлька, спуская с рук успокоившегося Мишку. – Да если вспомнить, как нас с тобой пугали... Чего уж сравнивать-то...

Они замолчали, глядя, как Мишка самозабвенно катает машинку по полу, как фырчит воображаемым моторчиком, смешно вытянув пухлые губы. Варя протянула руку, ощупала ладонью лоб мальчика.

– Мне кажется, он горяченький, Юль...

– Да не выдумывай! Он же поплакал немного, вот и разогрел сам себя. Слишком уж ты мамашка мнительная, Варь. Вечно тебе что-то мерещится. Сколько раз тебе говорила: трясись над детьми поменьше! Над нами вон не тряслись, и ничего, выросли!

– Ну да... Выросли грибы-поганки вместо крепких опят...

– Ну уж, знаешь! Я себя поганкой уж никак не считаю! И ты... Какая ты поганка? Ты ж у нас просто красавица, помереть не встать! Вон твой Гриша как увидел тебя, сразу голову

потерял! И не твоя это вина, что все так получилось... И что свекровь у тебя такой душой и злыдней оказалась...

Варя сидела с отрешенным выражением лица, казалось, она вообще не слышит, что говорит Юлька. Потом подняла на нее глаза, исполненные привычного уже отчаяния, спросила тихо:

– А вдруг у меня детей заберут, Юль?

– Кто заберет?

– Опека... Я ведь завтра практически на улице окажусь... Завтра квартирная хозяйка придет и выставит меня из квартиры. Да, может, она уже сегодня придет! Она ж сказала, чтобы завтра к утру нас тут не было, что утром она будет другим жильцам квартиру показывать! Тем, которые платежеспособные!

– Да она тебя просто на понт берет, Варь! Чтобы ты денег срочно раздобыла и ей долг отдала!

– А если нет? Если она впрямь нас выгонит? Куда я пойду, Юль? Хотя мне батюшка в церкви сказал, что я могу в комнатке при храме пожить, но ведь я не могу там надолго остаться! Это уж если совсем-совсем некуда... Ну, проживем там с детьми три дня, неделю... А потом? Куда я пойду?

– Ко мне пойдешь! – решительно рубанула рукой воздух Юлька.

– К тебе? В коммуналку? Ты что, смеешься? У тебя комнатка восемь метров всего, как мы там все поместимся?

– Да поместимся как-нибудь! Я где-то читала, что раньше в коммуналках большими семьями жили, и все как-то помещались, хоть и в маленьких комнатах... И мы поместимся, ничего!

– А соседи? Что твои соседи по коммуналке скажут? Да они же сразу завопят, что мы без прописки! И жаловаться побегут! Я ж знаю, какая у тебя с ними война...

– Ну да, война... Но ведь не я эту войну затеяла, Варь. Они ведь даже не познакомились со мной толком, а сразу в позу встали. Особенно одна тетка там есть... Настоящая зверюга. Собрала всех на кухне и заявила: нам тут еще филиала детдомовского не хватало! Сейчас, мол, тут проходной двор будет, надо дополнительные замки в двери вставлять! Еще и петицию какую-то накатала, подписи со всех собрала... Сука злая...

– Не ругайся, Юль... Дашка же слышит...

– А я не ругаюсь. Между прочим, сука – это литературное слово. Вот если бы я эту стерву по-настоящему обозвала... И у тебя бы уши в трубочку свернулись, ты ж меня знаешь.

– Да уж... Знаю, конечно... И тем не менее, Юль. Что ж это получится, если мы и впрямь у тебя поселимся? Все так и получится, как соседка предсказывала? Мол, филиал детдомовский да проходной двор? Она же сразу побежит жаловаться...

– Ну да. Побежит, конечно. Даже спорить не буду. Побежит и будет вопить: «Я говорила, говорила, не надо селить к нам в квартиру детдомовку!» Я даже представляю себе это в лицах, будто киношную картинку вижу... Эх...

Юлька махнула рукой, сторбилась, помолчала немного, потом заговорила уже другим голосом, в котором явно слышалась горькая нотка:

– Вот почему они такие злые, а, Варь? Ну что я им сделала, что? Разве человек виноват, что в детдоме вырос? Почему на нем всю жизнь это клеймо стоит, а?

– Да не все люди злые, Юль... – тихо возразила Варя, касаясь пальцами Юлькиной ладони. – Просто тебе не повезло, нарвалась вот на такую стерву...

– А! Тебе, можно подумать, повезло! – отмахнулась от нее Юлька.

– Да, мне повезло... Мне очень повезло. Мой Гриша, он такой... такой добрый... И умный... И понимающий... И бабушка его меня любила... Мне же у нее жили, ты знаешь. Жили душа в душу, можно сказать...

– Да? А почему же тогда эта добрая бабушка свою квартиру на Гришу не оформила? А? Что скажешь? Нечего сказать, да? И что же в конечном итоге получилось? Бабушка умерла, Гришу посадили, а его мамаша в наследство вступила и тебя тут же из квартиры выгнала? Нет, объясни мне, почему бабушка с вами так поступила, я не пойму? Если ты говоришь, так Гришу любила, тебя любила?

– Да что тут объяснять, Юль... Она просто Гришиной матери боялась, вот и все...

– Что, дочери своей родной боялась, что ли?

– Ну да... Моя свекровь Виктория Николаевна, она ж такая... Я ее тоже боялась. И сейчас боюсь.

– А Гриша? Он тоже боялся?

– Гриша – нет. Он не боялся. Он очень рано от нее ушел. Нет, он не скандалил с ней, не ругался... Просто ушел – и все. Как только паспорт получил. А она от этого еще больше злилась. А когда Гриша на мне женился, она на меня злиться начала, будто это я во всем виновата... Мол, как смела эта детдомовка ее сына захомутать? И на бабушку тоже злилась... А бабушка все время виноватой себя чувствовала – и перед нами, и перед Викторией Николаевной. Она ж ей все равно дочь! Оттого и квартиру не решилась на нас переписать, боялась и без того хрупкое равновесие нарушить... Не надо о ней плохо говорить, она хорошая была, правда!

– Да я разве что-то плохое говорю? Я просто сама с собой рассуждаю... А может, это я такая невезучая, и мне одной на пути одни стервы да стервятники попадаются? Комнату им жалко стало, смотрите-ка! Подписи собрали, стеной встали! А сколько я за эту комнату билась, никому дела нет! Сколько чиновников обошла, сколько хамства да унижения натерпелась! Это ж только на бумаге черным по белому прописано, что сироте-детдомовке жилплощадь от муниципалитета положена, а ты попробуй добудь эту площадь! Куда ни придешь, твердят одно и то же, как по заученному: вас поставили в очередь, ждите... А сколько ждать, не говорят! Может, десять лет, может, двадцать, может, все пятьдесят! А что? И впрямь будешь до пенсии ждать, если кулаком по столу стучать не начнешь или истерики в приемной закатывать!

– А ты закатывала истерики, да?

– Конечно! Еще какие! Все чиновники сбегались посмотреть, как я верещу да слюной брызгаю! Один раз даже полицию вызывали, хотели меня забрать за нарушение общественного порядка... Но полицейские дядьки более душевными оказались, ага. Когда узнали, почему я верещу. Еще и пристыдили этих чиновников – сами виноваты, мол...

– Но ведь ты ж получила комнату в конечном итоге?

– Ну да, получила. Так я ж говорю: как это мне далось, страшно вспомнить... Пока всю печень чиновникам не проела, не отступилась. Они эту комнату мне сунули, чтобы отвязаться уже наконец... А другие ж не такие настырные, как я! Вот ты, к примеру, ничего не получила! И не получишь, если будешь на одном месте сидеть!

– Что ты, Юль... Какая жилплощадь... Да меня даже на очередь ставить не стали! Посмотрели в паспорт, увидели штамп о регистрации брака и на дверь показали! Идите, мол, девушка, идите! Пусть ваш муж и обеспечивает вас жилплощадью, на то он и муж! Ты же помнишь, я за Гришу вышла, как только мне восемнадцать исполнилось...

– Да помню, помню... Как не помнить-то? Я тогда еще позавидовала тебе... Была Иванова и сразу стала Покровская! Просто украшение какое-то, а не фамилия! Как у графини какой!

– Мам... – вдруг вступила в их диалог Даша, отвернувшись от телевизора с мультиком, – а ты что, раньше Иванова была, да? Как тетя Юля?

– О! – удивленно хохотнула Юлька, глянув на Варю. – Смотри-ка, очнулась! Я думала, она мультик смотрит и не слышит ничего, а она сидит уши греет!

– Ничего я не грею, тетя Юль... – обиженно протянула Даша. – Я просто спросила... Правда, что мама Иванова была? Как вы?

– Была, Дашка, была... И твоя мама Ивановой была. Там все Ивановы, которые безымянными в детдом попадают...

– А безымянными – это как?

– Ну как-как... Вот так. Да и зачем тебе знать, как? У тебя, слава богу, и мама, и папа есть. Имя есть, фамилия есть. Хотя Иванова – тоже неплохая фамилия... Не Козлова, и слава богу! И на имена приличные детдомовские тетеньки расщедрились, правда? Юлия, Варвара – звучит! А могли ведь как-нибудь стрёмно назвать... Евлампией какой-нибудь или Агафьей... Или Евдокией, к примеру!

Юлька помолчала, обдумывая сказанное, потом расхохоталась звонко:

– Представь, Варь, была бы я теперь не Юля Иванова, а Дуня Козлова, ага? Вот бы житуха была... Детдомовские бы еще на корню затравили...

Юлька вдруг перестала смеяться, повернулась испуганно к Даше:

– Эй, ты чего? Опять плачешь, что ли?

– Доченька, что случилось? – участливо потянулась к девочке Варя, видя, как та быстро утирает ладошками щеки от слез.

– Ничего, мам... – тихо всхлинула Даша. – Просто я в детдом не хочу... Мне страшно, мам... А вдруг, если нам совсем негде жить будет, нас с Мишкой в детдом заберут?

– Не заберут, Дашенька, что ты! С чего ты взяла?

– Но ты сама только что с тетей Юлей говорила, я же слышала...

– А уши греть меньше надо, Даш, тогда и жить легче будет! – досадливо произнесла Юлька, мельком глянув на Варю.

– Правда не заберут, мам? – проигнорировав Юлькино замечание, тихо повторила девочка.

– Правда, Дашенька! Я вас не отдам, что ты! И не думай даже! Не отдам... Или... Или сама с вами туда пойду...

– Так тебя же не возьмут, ты взрослая!

– Ну и что! Я все равно рядом с вами буду, в любом случае! Хоть уборщицей, хоть нянечкой... Я же ваша мама, ты что! По-другому просто быть не может!

– А почему же тогда... Почему же твоя мама тебя бросила? Ведь она тоже мамой была?

Юлька хмыкнула и покрутила головой, с любопытством уставившись на Варю, – давай, мол, отвечай на законный вопрос... А я посмотрю, как ты будешь выкручиваться...

– Да я и сама не знаю, доченька... – очень просто ответила на сложный вопрос Варя. – Наверное, у нее так обстоятельства сложились, кто знает...

– Ей тоже негде жить было, да?

– Может, и так...

– Как нам, да?

– Я не знаю, Дашенька. Не знаю...

– А ты ее вообще-вообще никогда не видела? Ни разу в жизни?

– Нет, Даш. Не видела.

Даша снова скулсила, собираясь заплакать, и Юлька спросила удивленно:

– Опять? А теперь-то чего, Даш?

– А мне маму жалко, тетя Юль...

– Ну все, Варь, хватит мучить и себя, и ребенка! – не выдержала продолжения грустного диалога Юлька. – Слышать больше этого не могу! Развели тут... Бог знает что, даже слов приличных подобрать не могу, одни неприличные в голову просятся! Давайте лучше пойдём на кухню и поедим! Между прочим, я целую сковородку картошки нажарила...

Никто возражать не стал. Отправились на кухню, Юлька встала к плите, подняла крышку со сковороды, и запах жареной с луком картошки моментально заполонил все пространство. Варя слотнула голодную слюну, произнесла тихо:

– Спасибо тебе, Юль... Я со вчерашнего вечера ничего не ела...

– А чего не ела-то?

– Да не могла как-то... От всего этого... От непонимания, что делать, как жить дальше...

Просто кусок в горло не лезет.

– Ну да... Если загремишь в больницу от истощения, оно, конечно, сразу все и решится наилучшим образом. Совсем с ума сошла, что ли? Есть она не может, видите ли!

– Ну не ворчи на меня, Юль...

– А кто еще будет ворчать на тебя, если не я? Пушкин, что ли? Александр Сергеевич? Вот, ешь давай! – Юлька поставила перед Варей полную тарелку картошки. – Чтобы все смела, до последней крошки, поняла?

– Да поняла, поняла...

– погоди, я сейчас еще молока всем налью... Дашка, Мишка, будете молоко?

– Будем... – ответила и за брата Даша. – Мишка тоже любит картошку с молоком... Ой, как вкусно, тетя Юль! У мамы так вкусно никогда не получается!

– А то... – хвастливо улыбнулась Юлька и тут же вздохнула: – Хотя жареная картошка – это мой единственный кулинарный конек... Больше ничего не умею.

– А зато я умею печенье с корицей печь! И с лимонными корочками! – похвастала Даша, с удовольствием уплетая картошку. – Меня бабушка Таня научила, вот!

– Она тебе прабабушкой была, Даш... – тихо поправила дочь Варя.

– Да я знаю, мам! – грустно кивнула головой девочка. – Я знаю... Если бы прабабушка Таня не умерла, то мы бы так с ней и жили, в ее квартире... И она не позволила бы нас никуда выгнать... Ну зачем она умерла, мам? Зачем?

– Хороший вопрос: зачем... – хмыкнула Юлька, глядя куда-то в сторону. – Пожалуй, и ответа на него не придумаешь – зачем...

Конец ужина прошел в молчании. Даже маленький Мишка помалкивал, попивая теплое молоко из кружки. Наконец Юлька произнесла громко:

– Ну все, ребята! Мне пора уходить! И без того засиделась у вас дольше, чем рассчитывала! Теперь придется автобуса ждать, они вечером редко ходят... А, да, забыла совсем! Я там тебе продуктов купила, Варь... Увидишь в холодильнике... Не ахти какие продукты, но все равно – жратва. Перебиться можно.

– Спасибо, Юль... Спасибо тебе... Ты... ты очень добрый человек... Мой добрый человек... Самый добрый, самый хороший, – сложив на груди ладони, проговорила Варя. Хотела еще что-то сказать, но Юлька нетерпеливо перебила ее:

– Да ну, Варька! Чего это тебя вдруг разнесло? Сроду меж нами такого высокого слога не наблюдалось! Прямо высокие, высокие отношения, ага! Прекрати, слышь?

– Но ты же действительно добрая, Юль... И батюшка мне сегодня в церкви сказал: у всякого есть рядом добрые люди... А ты мне как сестра, Юль, и даже лучше!

– Да отчего ж не сестра? Сестра и есть. Я ж тоже Иванова, как и ты была в девичестве! Мы с тобой сестры по одному несчастью, Варька... И все, и молчи, и не говори ничего больше! Вон почти до слез довела меня, зараза... А нам с тобой плакать никак нельзя! Еще чего не хватало – плакать! Слезы, они ж последние силы уносят, а нам эти силы еще ой как понадобятся, чтобы свое место под солнцем отвоевать! Правильно я говорю, Варьк?

– Правильно, Юльк...

– Ну все, и на том до свидания! – решительно поднялась из-за стола Юлька. – Иначе я вообще сегодня от вас не уйду, а мне сегодня в ночную смену в моем круглосуточном супермаркете выходить, и домой еще заскочить надо! Все, я ушла...

Они все высыпали в прихожую – провожать Юльку. Уже в дверях она вдруг обернулась, хлопнула себя по лбу, выдала поспешной скороговоркой:

– Варька, я ж про самое главное забыла тебе рассказать! Мне ж тот итальянец ответил на сайте знакомств! Помнишь, я тебе говорила, что написала ему?

– Помню, Юль... И что он ответил?

– Да ничего особенного, в общем... Но таки ответил же! Это главное!

– Значит, ты не оставила мысли выйти замуж за иностранца?

– Да с какого перепугу я бы ее оставила, Варь? Нет, не дожدهшься! Потому что среди наших козлов уж точно ничего путного не сыщешь! По крайней мере, добрых среди них точно нет!

– Ну как же нет? А мой Гриша?

– И где он теперь, твой Гриша? Я не спорю, конечно, муж у тебя хороший и добрый... Но зато и пострадал, бедолага. У нас на добрых да хороших все шишки падают, им за плохими и злыми все подбирать приходится. И отвечать за чужие грехи тоже им – в местах не столь отдаленных... А ты тут как хочешь живи – с двумя детьми да со сволотой-свекровью, которая тебя тут же за дверь выставила...

– Это бабушка Вика сволота-свекровь, что ли? – тихо спросила Даша, и Юлька глянула на нее с досадой:

– Опять уши греешь, да?

– Нет, я не грею... Я ж тут стою, я вас провожаю... Не могу же я уши заткнуть, тетя Юль! Они и без того у меня теплые, вот потрогайте!

Юлька хохотнула коротко и виновато взглянула на Варю – прости, мол, подруга, что-то разговорилась не в меру при детях... И проговорила так же виновато:

– Ладно, потом все подробности про заморского жениха выложу... Все, я ушла... Пока, пока!

Варя закрыла за Юлькой дверь, отправилась на кухню, убрала со стола, сложила посуду в раковину. Подошла к окну, чтобы открыть форточку, да так и застыла на одном месте, вглядываясь в белесые от снега сумерки. Мысли в голове тоже были словно застывшими, неповоротливыми. Вспомнилось отчего-то, как дружили в детдоме втроем – она, Юлька и Данька... То есть дружба была промеж них, девчонок, а у Даньки с Юлькой была любовь. Самая настоящая. Такая, о которой в книгах пишут. Чтобы друг без друга – ни дня, ни секунды... Даже спать расходились по палатам за полночь, сидели в коридоре на подоконнике, обнявшись. Мечтали вслух. И сердились друг на друга, потому что мечты у них были слишком разные.

Данька мечтал после детдома отыскать свою мать. Юлька не понимала и сердилась – зачем?! Зачем ее искать, если она тебя еще в младенчестве бросила, променяла свое материнство на пристрастие к алкоголю? А Данька не мог объяснить зачем. Просто хотел найти мать – и все. Чтобы была... Пусть с любыми пристрастиями, но чтобы – была.

Юлька же для себя ничего такого не хотела. Какая еще мать, зачем она, эта мать? Она ведь свой выбор уже сделала, подбросив младенца на крыльцо детской больницы, ну так и пусть катится со своим выбором куда подальше! А она, Юлька, не пропадет. Она еще устроится в жизни так, что все ей завидовать будут. И те, которые при матерях выросли, тоже завидовать будут. Подумаешь – мать...

Но разногласия в этом щекотливом нюансе не мешали им любить друг друга. И строить планы... Вот выйдут из детдома, поженятся, истребуют положенные по закону сиротские квадратные метры – и заживут... Работу денежную найдут, по заграницам будут ездить...

Не суждено было сбыться ни мечтам, ни планам. Юлька считала: Данька виноват. А Данька вовсе так не считал, потому что он-то как раз исполнил свою мечту – нашел мать. Как и ожидалось, алкоголичку. Жила Данькина мать в этом же городе, на окраине, в однокомнатной клетушке-хрущевке, была больна – ноги совсем не ходили. Нашедшего ее Даньку встретила, как и полагается, слезной истерикой с обязательным буханьем на колени и душераздирающим воплем: прости меня, сыночка, прости... Это не я виноватая, это жизнь моя такая, сука под-

колодная... И не поднимай меня с колен, не надо, не встану! Всю жизнь о тебе думаю да плачу, сынок... Это ж я от горя такая несчастная да больная, а не от выпивки вовсе...

В общем, остался Данька у матери жить. Устроился на работу, в клетушке какой-никакой ремонт организовал, отогнал подальше всех друзей-собутельников. Заботился о матери с такой преданной сыновней страстью, что соседи только диву давались – надо же... Тут от родных деток, на чистом сливочном масле вскормленных, подобного рвения не дождешься... Вот и озадачивайся теперь на тему воспитания да того самого пресловутого стакана воды и удивляйся подобной несправедливости!

А Юлька на Даньку обиделась вусмерть. Потому что не понимала, почему все так. Даже знакомиться с Данькиной матерью не пошла, фыркнула презрительно: на фига? Данька пытался ей что-то объяснить, но и сам не мог подобрать нужных слов – на фига...

Вот и вся любовь, получается. Были не разлей вода, мечтали всю жизнь вместе прожить. Наверное, у детдомовцев даже любовь бывает не такая, как у всех. То есть любовь любовью, а табачок все равно врозь. И мечты – врозь. Хотя Данька до сих пор Юльке звонит и говорит, что любит... А Юлька после этих звонков сама не своя ходит. Злится. От злости даже решила замуж за обеспеченного иностранца выскочить, чтобы сразу – и в дамки. Мол, возись, Данечка, в своем дерьме сколько хочешь, а у меня будет другая жизнь! Красивая, обеспеченная, и все в ней будет, как мы мечтали! Будет, но не с тобой...

– Юль, но ты же все равно Даньку любишь... Зачем тебе заморские женихи? Одумайся! – пыталась привести ее в чувство Варя.

– Да не люблю я его, все! – сердилась на нее Юлька. – Он меня предал, ты понимаешь это или нет?

– Да почему сразу – предал? Он просто мать свою любит...

– Эту алкашку? Да как ее можно любить? Объясни, я не понимаю, хоть убей!

– Значит, можно, если все так... Значит, Даньке она любая нужна...

– Да на здоровье, Варь, разве я спорю? Если она ему нужна – так пусть и будет с ней счастлив. А я себе другое счастье организую. Настоящее. На вилле буду жить, сидеть в жаркий день у бассейна и попивать холодный коктейль...

– Ага. Как в кино. И пальмы на участке будут шелестеть на ветру.

– Ну да... И пальмы тоже... А что здесь такого? Думаешь, не смогу? Еще как смогу! Ты же знаешь, какая я упорная!

Однако заморские обладатели вилл и бассейнов с коктейлями не спешили звать Юльку замуж. Даже на визу невесты никто не расщедрился. Наверное, Юлька все же не вписывалась в образ покладистой русской красавицы, хоть и старались наемные фотографы сделать ее такой. И рыжину под яркий блонд ретушировали, и глаза делали синими вместо карих, и на лице просили изобразить сердечность и негу... Видимо, хищный Юлькин глаз все эти обманки собой затмевал. Слишком уж ясно в этом глазу читалась материальная подоплека желанного замужества. Но Юлька не сдавалась и все время повторяла: «Должно же и мне когда-нибудь повезти!»

Может, и впрямь когда-нибудь повезет... А может, с этим итальянцем у нее что-нибудь выгорит?

– Мам... А мы уроки сегодня будем делать? – неожиданно спросила Даша, и Варя даже вздрогнула от ее голоса.

Обернулась. Стоит в дверях, смотрит исподлобья. Улыбнулась, подошла, прижала к себе дочь:

– Нет, Дашенька, сегодня не будем... Завтра уроки сделаем. Тебе же во вторую смену, успеем...

Сказала – и мерзкий холодок пробежал по спине: да как же завтра-то, Господи! Один Бог знает, что будет с ними завтра!

Хотя Бог, может, и знает... Может, придется им в ту комнатку при церкви идти, если батюшка еще не передумал...

– Иди, Дашенька, смотри свой мультик. А мне еще посуду помыть надо. Потом будем спать укладываться, иди...

Надо же, как у нее спокойно сказать получилось. И вообще... О чем она думала только что? О Юльке с ее женихами, о Даньке... Разве об этом надо ей сейчас думать?!

Наверное, это инстинкт самосохранения так работает – перебрасывает сознание на что-то другое. На второстепенные мысли, в данный момент неважные. Чтобы с ума не сойти. Спасибо ему, конечно, да только проблема от этого сама по себе не решится.

Наверное, надо детей спать уложить да вещи собрать... А утром... О Господи, помоги! Помоги мне, Господи, Иже еси на небесех... Иже еси... Опять забыла молитву! Да что ж такое...

Наверное, опять надо переключиться на что-нибудь. Вон хотя бы посуду помыть наконец. Не оставлять же после себя грязную посуду! А потом надо детей спать уложить... И вещи собрать...

Руки делали свое дело – ополаскивали тарелки-чашки под струей горячей воды, а мысли текли хоть и в грустном, но нужном направлении. Значит, придется в ту комнатку при храме идти, куда пригласил батюшка. Надо было хоть посмотреть ее, эту комнатку, что она из себя представляет. Может, маленькая совсем. Хотя... В ее ли положении рассуждать: маленькая – не маленькая?

Выбора все равно нет! К Юльке тоже нельзя – там соседки злые, сразу жаловаться побегут, что они без прописки! Юлька бы прописала, ей не жалко, но все равно ведь откажут, потому что квадратные метры в той комнатке совсем никаковские. Нет, комнатка при храме – это спасение, конечно. Надо батюшку благодарить да в ножки кланяться... И нечего тут рассуждать... Хоть какое-то время там поживут, сколько разрешат! А там видно будет...

Ну вот, посуда вымыта. Пора идти детей спать укладывать.

Зашла в комнату, и чуть слезы из глаз не хлынули – сидят детки на диванчике, обнявшись, мультики смотрят. Мишка сопит, Дашкины пальцы перебирает. И так жалко их стало вдруг... Ну вот куда, куда она их потащит, в какую комнатку при храме? Там наверняка даже телевизора нет... И стола удобного нет – Дашке уроки делать...

– Ну что, спать будем ложиться? – произнесла почти весело, сглотнув слезный комок.

Повернули к ней головы одновременно, глянули недовольно. Мишка тут же скулится, приготовился плакать. Даша опередила его, протянула жалобно:

– Ну мам... Пусть Мишка мультик досмотрит, не выключать же на самом интересном месте... Тут всего ничего осталось!

– Ладно, пусть... – кивнула с улыбкой Варя. – Но как закончится – сразу спать!

Обе головы тут же развернулись к экрану телевизора, как подсолнухи к солнцу. Варя присела на край дивана, тоже стала смотреть, как сражаются черепашки Леонардо и Донателло с Крысиным Королем. И почему дети так любят этот мультик? Тем более такие ужасы на ночь...

– Мам... – вытащил ее из задумчивости тихий Дашкин голосок. – А нам правда надо уходить из этой квартиры, да?

– Правда, Дашенька. Надо. Ничего не поделаешь.

– А куда мы пойдем? Где мы жить будем?

– Пока в комнатке при храме, мне батюшка обещал... Помнишь, мы с тобой и с Мишкой как-то заходили в этот храм?

– Помню... Но там ведь никто не живет, мам... Туда люди приходят, а потом уходят... Там ведь никто ночевать не остается!

– А мы будем ночевать, ничего...

– А может, мы лучше здесь останемся, а?

– Нельзя, Дашенька.

– Почему?

– У меня денег нет за квартиру платить. Я и без того задолжала за два месяца. Нас могли еще два месяца назад отсюда выгнать... Так что давай мы с тобой спорить на эту тему не будем, потому другого варианта на сегодняшний день нет.

– Да я и не спорю, мам... А еще скажи мне, я так и не поняла... Вот сегодня тетя Юля говорила, что нас бабушка Вика на улицу выгнала. Что она эта, как ее... сволота-свекровь... А что это значит, мам? Сволота – это совсем плохая тетенька, так, что ли?

– Не надо повторять за тетей Юлей, Дашенька. Это плохое слово. То есть... Не плохое, а взрослое. Дети так не говорят.

– А как надо говорить? Ведь если бабушка Вика нас на улицу выгнала, значит, она плохая?

– Я не знаю, Даш, что тебе ответить. Я и сама не понимаю, если честно, почему она с нами так обошлась... Ну ладно я, но вы-то с Мишкой ей внуки родные...

– Мам, не плачь...

– А я разве плачу?

– Лицом нет, а глазами плачешь. Я же вижу.

– Ладно, Дашенька, смотри давай свой мультик... Не отвлекайся...

Даша вздохнула и отвернулась, и Варя наконец сморгнула слезу. Вот же доченька наблюдательная какая! Увидела-таки, что она слезы с трудом сдерживает!

Нет, надо в какие-то хорошие мысли уйти, хотя бы ненадолго. Включить спасительный инстинкт самосохранения. Хотя бы на те минутки, что мультик идет... Вот-вот черепашки победят Крысиного Короля, и снова надо жить в суровой реальности...

А о чем хорошем можно вспомнить? Вернее, о ком? О Грише, конечно. Каждую минутку своей бывшей счастливой жизни перебрать, нанизать бусинками на ниточку... Вот хотя бы тот день вспомнить, когда они познакомились!

Она тогда заболела гриппом, лежала в отдельной палате, чтобы инфекцию не распространять. То есть не лежала, а сидела с утра до вечера на подоконнике, смотрела во двор. А там все время осенний дождь лил... Ужасно скучная картинка. И состояние у нее было такое... Ничего не хотелось, в общем. Ни пить, ни есть, ни книжку читать... Даже поговорить не с кем было. Карантин. Очень уж боялась детдомовская докторша распространения эпидемии. Говорила: я одна, а вас много! Если все вдруг заболеете, что тогда? Поэтому ты уж сиди, Иванова, на карантине. Порядок такой.

Вот она и сидела... Смотрела в заплаканное окно. А однажды дверь палаты распахнулась, и зашел парень как-то... Не здешний, не детдомовский. Взрослый уже. Она растерялась, замала руками, пролепетала испуганно:

– Сюда же нельзя, что вы...

– Почему нельзя? – вполне приветливо улыбнулся парень.

– Так ведь карантин... Я гриппом болею, ты заразиться можешь.

– Да ну! Зараза к заразе не пристанет! Давай лучше знакомиться... Тебя как зовут?

– Варвара...

– Варя, значит. Очень приятно. А я – Гриша.

– А ты кто вообще?

– Я? Я волонтер. Но вообще я в политехническом учусь, на стройфаке... А сюда с группой наших ребят пришел. Мы над вашим детдомом шефство взяли.

– Да, я слышала что-то такое... А что ваши ребята будут у нас делать?

– Ну, я не знаю... Праздники какие-то организовывать, соревнования... Да придумаем по ходу дела! А ты что, совсем здесь одна, что ли?

– Одна... Мне и еду сюда приносят. И никого ко мне не пускают, только врач приходит осматривать. Карантин. Я уже пятый день тут совсем одна...

– Ничего себе! Так ведь с ума сойти можно!

– Ну да... Вот я и схожу с ума потихоньку... Ты бы тоже шел отсюда, а? Увидят, ругаться будут...

– Не увидят. Я с тобой побуду, хорошо?

– Тебе меня жалко стало, да?

– Нет, почему... Мне интересно с тобой. Ты... Не такая, как все. На инопланетянку похожа.

– Это потому, что я худая, коротко стриженная и уши у меня оттопыренные, да?

– Уши как уши... А вообще да, ты на эльфа похожа. Глаза огромные и грустные. Ты мне актрису одну американскую напомнила...

– Ух ты! А что за актриса?

– Вайнона Райдер... Знаешь такую?

– Нет. Не знаю.

– А жаль... Но все равно знай – ты на нее очень похожа. Особенно когда вот так испуганно смотришь...

– Почему испуганно? Я вовсе тебя не боюсь!

– Ну не испуганно... Задумчиво смотришь. Будто знаешь что-то такое, чего другие не могут знать. Может, поделишься своим тайным знанием, а?

– Да ну... Нет у меня никакого тайного знания, не придумывай. А глаза грустные оттого, что веселиться не от чего... Вон даже на улице дождь никак не прекратится, будто назло. И читать не могу – не читается.

– А ты вообще любишь читать?

– Люблю.

– И что ты сейчас читаешь?

– Дэна Брауна, «Код да Винчи». В библиотеке взяла.

– Ого! И что, нравится?

– Ничего... Только я многого понять не могу... Библиотекарша так и сказала: рановато тебе такое читать, мол.

– Ну да... Рановато вроде. Но ты все равно читаешь?

– А что, нельзя?

– А сколько тебе лет, интересно?

– Пятнадцать...

– Ну так тем более библиотекарша права! Лучше Макса Фрая почитай. Тоже интересно.

– А у нас нет в библиотеке такого автора...

– Хочешь, принесу? У меня есть.

– Принеси...

– Договорились. Завтра и принесу. Где-то после обеда, ладно? У меня лекции с утра. И вообще, я каждый день приходите к тебе буду...

– Зачем?

– Чтобы ты с ума не сошла в заточении. Это ж надо такое придумать – взять и закрыть человека на карантин... Ну и порядки здесь у вас, однако!

– Да обычные порядки... Это ж детдом, а не санаторий.

– Ну да... Я так и понял, что не санаторий. А чего-нибудь вкусного принести? Что ты любишь?

– Я... Я шоколадку хочу... С орехами.

– Понял. Будет тебе шоколадка. Ну и еще чего-нибудь прихвачу, фруктов каких-нибудь... Значит, до завтра, инопланетянка Варвара?

– До завтра...

Так и началась их дружба. Хотя и не дружба, наверное. Это была любовь, скорее всего. По крайней мере, с ее стороны. Но она тогда не понимала еще, что это любовь. Просто каждый день ждала, когда придет Гриша...

Он и приходил – каждый день. Хоть на полчаса, но приходил. А ей хватало! Будто выпитывала в себя то время, пока были вместе. Тем и жила. Но все равно – боялась... Боялась, что наступит тот день, когда Гриша возьмет и не придет.

Ну в самом деле – кто она ему? Для чего он приходит к ней? Просто постоять рядом на перемене в школе или посидеть на лавочке в детдомовском дворе? А по выходным сводить в кино или на прогулку в городской парк? Зачем ему это надо? Вон сколько красивых девчонок вокруг, и не детдомовских, а нормальных, у которых мама и папа есть и свой дом есть.

Однажды она так и спросила – про нормальных девчонок. Почему, мол? А он глянул удивленно, плечами пожал:

– А ты что, ненормальная?

– Ну ты же знаешь, что я имею в виду! Как все относятся к детдомовским...

– Кто это – все?

Она ничего не ответила. Как можно на такой вопрос ответить? Все – это все. Вон даже учителя в школе делят учеников по той же категории – нормальные и детдомовские. Нет, вслух этого не произносят, но по выражению лица, по настороженному взгляду сразу все видно... Хотя взгляд иногда и может приобрести жалостливый оттенок, и от этого еще хуже становится. Как говорила Юлька, не надо нам вашей жалости, сами себя жалеите! А мы и без жалости как-нибудь...

Гриша тогда, после этого дурацкого разговора, впервые обнял ее. Положил руку на плечо, притянул к себе, встряхнул слегка. И она по-своему поняла этот жест – не спрашивай, мол, меня об этом... Потому что ты есть, и все. И я есть. И никаких больше оттенков не надо. Тем более жалостливых.

Постепенно и в детдоме к нему привыкли, считали своим. Только один раз воспитательница Анна Георгиевна устроила ей обидный допрос – зачем он приходит, мол, чего от тебя хочешь, не пристаешь ли с этим... Ну, сама понимаешь, с чем... И что она могла ей ответить? Правду сказать? Мол, я только об этом и мечтаю, чтобы Гриша ко мне с этим самым пристал? Что я бы рада была, потому что люблю его? И что было бы с бедной Анной Георгиевной, если бы она так заявила? Нет уж, лучше нервы ее побережь... Вообще-то она добрая, но все равно не поймет. Вон даже погонялка у нее соответствующая – Нюша. Хоть и добрая, но простая и правильная до занудливости.

А вот директриса у них другого плана была. Жесткая тетка, но справедливая. Как скажет – не в бровь, а в глаз. Помнится, когда Гриша первый раз ее в кино пригласил и она просто ушла без разрешения, Нюша сразу пугливую истерику закатила, а директриса остановила ее холодно:

– Да бросьте, Анна Георгиевна, бог с вами... Неужели сами не видите, что у этого парня слово «порядочность» крупными буквами на лбу написано?

– Но ведь всякое может случиться, что вы... Даже у самого порядочного может... – пролепетала в ответ Анна Георгиевна.

– Вполне может, конечно. Не исключаю. Было бы хуже, если бы оно вообще никак не случилось. Вот тогда была бы – беда... Самая настоящая...

Сказала – и рассмеялась коротко. И подмигнула слегка, чем ввела в смущение и ее, и бедную Нюшу.

Но разговор этот короткий на пользу пошел – с тех пор Нюша отпускала ее с Гришей легко, без оглядки. И даже вопросов дурацких не задавала.

Так прошел год, потом второй, потом и третий начался... Дело шло к выпуску из детдома. И вдруг у нее страх появился – а что дальше-то? Она уже совсем взрослая, а Гриша все водит ее за ручку, как маленькую... Ну, обнимет иногда, прижмет крепко – но ведь по-дружески! Что же теперь, они так и будут жить дальше – друзьями?

Юлька слегка подсмеивалась над ней – у них-то с Данькой давно уже случилось то самое, о котором с таким испугом говорила Анна Георгиевна. Еще Юлька давала ей дурацкие советы:

– А ты, Варька, попроси его в караоке тебя сводить, а там песенку ему спой – забирай меня скорей, увози за сто морей! И целуй меня везде, я ведь взрослая уже! Может, тогда он тебя услышит, а?

– Не буду я ему ничего петь... – сердилась она на Юльку. – И вообще, это не твое дело, мы сами разберемся...

– Сами, конечно. Кто спорит? В таких делах советчиков нет, ты права... Ну, тогда хоть в любви ему первой признайся, как Татьяна Ларина! Сможешь?

– Не знаю, Юль...

– А кто будет знать? Ну чего ты амеба такая, Варька?

– Я не амеба. Я просто боюсь.

– Чего ты боишься?

– Боюсь все испортить, понимаешь?

– Ну что я могу тебе сказать? Бойся дальше. Но я бы на твоём месте...

– Я сама на своём месте, Юль. А ты на своём. И все, не будем об этом больше...

Но разговор с Юлькой озадачил ее, запал в душу. Тем же вечером, возвращаясь с прогулки в детдом, она остановила Гришу, потянув за локоть:

– Гриш, послушай меня... Что я хочу сказать...

– Что, Варь? – глянул он удивленно.

– Я хочу сказать, что... Что ты мне снишься все время... Так снишься, знаешь... Будто мы только вдвоем, и мы... И мы...

Вдохнула в себя воздух и замолчала, чувствуя, как заливаешь краской лицо. Ну нельзя, нельзя быть такой скромнягой, ей-богу, вот бы сейчас Юлька ее осмеяла! И Гриша ничего не говорит, только смотрит на нее, смотрит... Будто новыми глазами смотрит. Хотя нет... Теми же глазами, только слегка удивленными.

– И ты мне тоже снишься, Варь... Так же снишься, будто мы только вдвоем...

Она выдохнула с легкостью – уф, слава богу! Как же он это сказал – у нее мурашки по спине пробежали! А еще она сразу ему поверила – так и есть.

Он обнял ее, прижал к себе. Больше можно было и не говорить ничего, и без того все понятно. И без обязательных этих слов про любовь. Потому что ощущение любви и есть любовь. По крайней мере, у них так получилось...

Или все-таки надо сказать? Пусть и слова эти будут, не помешают.

– Я так люблю тебя, Гриш... Давно люблю... С тех пор как увидела...

– И я тебя – давно... – проговорил он слегка удивленно и, как ей показалось, с некоторой досадой. Вроде того – и так понятно, о чем это они?

– И мы всегда будем вместе, да, Гриш?

– Конечно... Конечно, вместе. Ты – моя половинка, я это сразу понял, как увидел тебя. Так и будем жить – единым целым... Одним счастьем. Одной семьей. Ты ведь выйдешь за меня замуж, Варь?

– Конечно... Конечно, выйду! Зачем спрашиваешь? Но мне ведь только семнадцать пока... А ты... Ты такой взрослый! Институт заканчиваешь!

– Так через год и ты будешь взрослая. Не будем никуда торопиться – зачем торопиться, если мы все друг про друга знаем, правда? Подождем еще год... Некоторые такого счастья всю жизнь ждут, ищут его и найти не могут, а я, выходит, счастливым оказался! На меня сразу

это счастье свалилось – большое гриппом, коротко стриженное и лопоухое... Как вспомню, какой ты была, когда я тебя впервые увидел... Смешная такая... Любимая...

– Гриш, я так счастлива сейчас, если б ты знал! Я так люблю тебя, Гриш...

Они и не заметили, что пошел дождь и что оба промокли основательно. Она вдруг чихнула громко и сама на себя разозлилась: испортила все! А Гриша схватил ее за руку, потянул за собой:

– Бежим! Бежим скорее, иначе простынешь! Давай-давай, не тормози, ну!

Она потом ходила несколько дней как пьяная. Хлюпала носом – то ли от счастливых слез, то ли и впрямь подхватила простуду под тем дождем. Не видела ничего, не слышала, только Гришин голос в голове звучал: «Люблю, ты моя половинка... Ты ведь выйдешь за меня замуж, правда? Пусть через год...»

Все и случилось через год, когда ей исполнилось восемнадцать. В один день произошло два замечательных события: они с Гришей подали заявление в загс, а еще она в списках поступивших в институт себя нашла! В педагогический! Но первое событие было важнее.

– Ой, Гриш... Даже не верю, что мы через два месяца будем мужем и женой! И свадьба у нас будет, да?

– А ты хочешь свадьбу?

– Не знаю... А ты?

– А может, ну ее, эту свадьбу? Зачем нам о себе на весь мир объявлять? Да и денег у меня таких нет, не заработал еще... Я ж только что институт закончил!

– А и впрямь, ну ее, эту свадьбу! Я и без нее счастлива, Гриш! А твоя мама уже знает, что мы... Ты будешь меня с ней знакомить?

– Да, я обязательно ее с тобой познакомлю. Но только после того, как мы распишемся.

– А почему после?

– Так лучше будет, Варь. Ты просто поверь мне, и все. Да, так лучше будет...

Она по его голосу почувствовала – что-то не так. Но спрашивать не стала. И без того все было понятно, что ж... Какая мать захочет, чтобы ее единственный сын женился на детдомовке? Сын, которого она одна растила? И видела в мечтах совсем другую невестку, которая из хорошей семьи, например?

– А жить мы где будем, Гриш? – перевела она разговор на другую тему. – Квартиру снимем, да?

– Нет... Мы у моей бабушки будем жить. Она будет рада, она любит меня... И тебя полюбит, я знаю. Она сразу меня к себе звала, когда я от мамы ушел...

– Как это – от мамы ушел? А куда?

– В студенческое общежитие.

– А...

– Так надо было, Варь. Я сам так решил. Мама меня не отпускала, но я все равно ушел. И не спрашивай почему... Просто так лучше и мне, и маме.

– Хорошо, я не буду спрашивать...

– Не обижайся, ладно? Я думаю, ты сама со временем все поймешь. Я не из тех людей, которые говорят о матери плохо. Как бы ни складывались отношения, о матери все равно плохо говорить нельзя. Лучше уйти и жить так, как считаешь нужным...

– Да я не обижаюсь, что ты... Разве я умею на тебя обижаться? Я только любить умею...

– Да, я знаю. Умеешь. Мне твоя любовь очень нужна. И я тебя люблю, ты же знаешь...

И поэтому все у нас будет хорошо, Варь.

– Конечно... Конечно, все у нас будет хорошо! Я так счастлива, Гриш!

Потом, ночью, она все никак не могла заснуть, раздумывала над словами Гриши о маме. Надо же, взял и ушел из дома, жил в общежитии... Как это можно вообще, имея в наличии

маму, от этой мамы взять и уйти? Странно... Очень все странно и непонятно. Хотя Гриша сказал: ты все сама поймешь со временем.

Ну и ладно. Со временем так со временем. Все равно это время будет счастливым, она в этом нисколько не сомневалась. Лишь бы удалось все и сразу – и женой быть, и студенткой пединститута...

Через два месяца они расписались. Буднично, без торжества. Свидетелями в загсе были Юлька и Данька, и еще детдомовские их поздравить пришли, и ребята из Гришиной группы. Расположились в парке на полянке, устроили пикник с шампанским и бутербродами. Она была счастлива и все время смеялась и теребила Юльку.

– Ну чего ты такая грустная, ну улыбнись! И у вас с Данькой все будет, вот увидишь!

На что Юлька ей ответила вдруг довольно сердито:

– Нет уж, у меня так не будет! Я настоящую свадьбу хочу – с платьем, с куклой на машине, с гостями в дорогом ресторане! Ну что это за свадьба – в парке на полянке?

– Да не в платье же дело, Юль... И не в машине с куклой...

– Ну кому как! А мне кажется, что это неуважение к женщине, чтобы вот так, без свадьбы!

– Какое еще неуважение? Это любовь, Юль... Ты же знаешь, как мы...

– Знаю, знаю! Они были вместе в горе и радости и умерли в один день, да?

– Ну да...

– А свадьба что, вам помешала бы? И вообще, он даже матери своей не сказал, что женился... Это обстоятельство тебя не смущает?

– Так мы завтра к его маме пойдем...

– Ага, вот то-то она обрадуется! Сынок на собственную свадьбу не позвал! Она на тебе за это еще отыграется, помяни мое слово!

– Ой, Юль, перестань... Я и сама ужасно волнуюсь, как это знакомство пройдет...

– Да я-то перестану... Да и ты давай не дрейфь! В конце концов, это его мать и его решение на свадьбу ее не звать, вот пусть сам во всем этом и разбирается! А ты сиди да помалкивай. Ты законная жена, перед твоим носом дверь не захлопнешь. Ничего, Варька, не бойся... Прорвешься как-нибудь...

Она все равно боялась. Тряслась как осиновый лист. И еще больше испугалась, когда вживую увидела свою свекровь, Викторию Николаевну. И чуть не умерла во время повисшей неловкой паузы, когда Гриша произнес решительно:

– Это моя мама, Виктория Николаевна, познакомься! А это моя жена, мам, ее зовут Варя! Мы с ней расписались вчера!

Гришина мама молчала. Смотрела на нее так, будто была оскорблена до глубины души. Не тем оскорблена, что сын не позвал на свадьбу, а именно ее, Вариним, присутствием. Потом повернулась, вышла из комнаты на кухню, и вскоре оттуда послышался грохот – разбилось что-то. Гриша вздохнул, сжал ее ледяные пальцы в ладони – не бойся, мол, я с тобой.

Вскоре Виктория Николаевна вернулась в комнату. Лица на ней не было. То есть оно было, конечно, но будто все внутрь ушло: глаза стали узкими щелочками, губы подтянулись маленькой скобкой, и даже щеки будто ввалились и вмиг одрябли. Была такая видная красивая женщина, и вдруг...

– Это ты мне назло сделал, да? – резко спросила у сына Виктория Николаевна, чуть махнув ладонью в сторону Вари. – Что ты мне хочешь доказать, что? По-твоему, я плохая мать и зла тебе желаю? Надо было таким глупым способом доказывать что-то, да?

– Мам... Ну не начинай, а? – убитым голосом произнес Гриша. – Прошу тебя, пожалуйста... Варя и без того тебя боится...

– Ой, да какое мне дело до твоей Вари, господи! Если ты сам захотел испортить себе жизнь, при чем тут я? Если тебе так нравится, что я могу сделать? Каждый сам выбирает, как ему жить... Ты вон уже выбрал... – снова небрежно махнула она ладонью в сторону Вари. –

А если выбрал, что мне еще остается? Я мать, я все от тебя приму... Пусть будет Варя, что ж. Тебе жить, сынок. Но только не на моих глазах, потому что мне больно все это видеть... Ты сам выбрал, сам... Назло мне...

Варя слушала свою свекровь и со страху никак не могла сообразить – о чем это она? О каком таком выборе? Потом вдруг поняла – это она о том, что ее невестка всего лишь детдомовка... Видимо, Гришина мама давно уже знала о ней... Знала и всячески протестовала против этого выбора. А может, потому и Гриша из дому ушел? Из-за нее? Но это ведь ужасно, если так...

Потом, позже Гриша развеял ее сомнения. Сказал, что вовсе не из-за нее от мамы ушел. То есть не только из-за нее. Просто у мамы характер такой – исключительно собственнический. Она и его, сына, рассматривала как свою собственность, которую нужно любить, конечно же, но и которой нужно правильно управлять. То есть образцово-показательно исполнять материнский долг. Вывести сына в люди и гордиться этим. И еще что-то он ей объяснял – она до конца так и не поняла... Да и как понять, если собственного опыта общения с родной матерью нет? Матери нет, стало быть, и опыта нет...

Зато Гришина бабушка Татьяна Викторовна приняла ее с радостью. Квартирка у нее была маленькая, двухкомнатная полуторка, но им хватало. Как говорится, в тесноте, да не в обиде.

Через год у них родилась Даша, и пришлось взять академический отпуск в институте. Татьяна Викторовна предложила было свои услуги, мол, будет возиться с правнучкой, но им с Гришей жалко ее стало – старенькая уже, тяжело ей будет.

Виктория Николаевна пришла глянуть на внучку, принесла подарки. Гриши в тот вечер дома не оказалось – халтурку взял на работе. Варя с удивлением наблюдала, как обрадовалась ее приходу Татьяна Викторовна, как засуетилась накрыть на стол, как взглядывала на дочь не то чтобы с испугом, но с некоторым извинительным подобострастием, будто виновата была в чем перед ней... А может, в том виновата, что их с Гришей у себя пригрела – родной дочери наперекор? А когда Виктория Николаевна ушла, вдруг заплакала:

– Ну в кого она у меня такая, не пойму... Ведь к сыну с невесткой пришла, к внучке родной, а будто к чужим людям... Ты уж не сердчай на нее, Варенька, такая она у нас... Единственная моя доченька. Живет, будто сама себе не рада. И все равно я ее люблю, я ж мать ей...

Когда Даше исполнилось два года, Варя вернулась в институт. Проучилась до третьего курса и снова взяла академический – вторая беременность протекала тяжело, с осложнениями. Но, слава богу, Мишка родился здоровеньким. Такое было счастье смотреть на Гришу, когда принесли Мишку из роддома! И Даша радовалась братику, а бабушка Татьяна Викторовна, та вообще заплакала, запричитала тихо:

– Молодцы вы какие, ребятки... Такая любовь промеж вас, прямо сердце радуется... И еще рожайте, не останавливайтесь! Вон какие у вас деточки славные получают! А что материально трудно, так это все образуется со временем... Как говорится, Господь ребенка дает, Господь и на ребенка дает!

Да, все было хорошо тогда... Очень хорошо. Даже института не жалко было, подумаешь, институт! Все равно когда-нибудь его окончит. Семья важнее. Вон даже Виктория Николаевна начала чаще к ним заходить и вроде «отмякла душой», как выразилась однажды Татьяна Викторовна. Не знала она тогда, что ничего подобного с душой ее дочери не происходило, что все плохое было еще впереди...

А главное, так быстро, так страшно все обернулось! Исчезло в один миг! Не стало рядом ни Гриши, ни бабушки Татьяны Викторовны, ни крыши над головой...

– Мам... Ты чего? Я с тобой разговариваю, а ты не слышишь... – очнулась она, услышав обиженный голосок Даши.

– Прости, доченька, я задумалась! Что ты мне хотела сказать?

– Да ничего... Просто мультик давно кончился. А ты не видишь. Сидишь такая... Будто тебя нет вообще.

– Да вот же она я, что ты придумываешь! Сейчас спать будем укладываться.

– Не буду спать, не буду... – захныкал Мишка.

– Почему, сынок? Я ж тебе песенку спою, как всегда!

– Не хочу, не буду...

– Да что с тобой такое, сынок?

Ощупала его лоб, и сердце ушло в пятки: горячий, как печка! Как же она раньше этого не углядела? И глазки капризные, простудные. Что же делать теперь? Даже врача вызвать некуда... Участковый ведь не пойдет, у них прописки нет. Хотя, говорят, обязаны приходиться по месту фактического проживания... Но его ж надо утром вызывать! А вдруг ночью совсем ребенку плохо будет?

И в аптеку за детским жаропонижающим уже поздно идти, разве только в дежурную... А может, «Скорую» вызвать? Только надо сначала температуру померить...

В суматоху мыслей ножом врезался дверной звонок – вот оно, началось. Квартирная хозяйка пришла. Сейчас выгонять будет. Может, и «Скорую» не позволит для Мишки вызвать. Так давеча и сказала – никаких больше отсрочек, все... Хоть земля тресни, хоть небо на голову упади...

Накаркала хозяйка, наверное. Вот земля для них и треснула. И небо на голову упало. И живи во всем этом как хочешь.

Гриша, Гриша, как же так-то? Не видишь, не знаешь... Вон даже ответить на твое письмо теперь не смогу, чтобы сообщить новый адрес... Да и где он, их новый адрес? Храм Вознесения на Троицкой улице, для проживающей в нем Варваре с двумя детьми?

– Даш, посиди с Мишей, я дверь открою...

Подошла на ватных ногах к двери, глянула в глазок. Нет, вроде там не хозяйка... Другая какая-то женщина, незнакомая. Соседка, что ли?

Не снимая цепочки, повернула рычажок замка, чуть приоткрыла дверь, спросила испуганно:

– Вам кого? Вы дверью ошиблись, наверное?

– Нет, я не ошиблась... Вы же Варвара Покровская, верно?

– Да, это я...

– Тогда это вам... Вот, письмо... Вы потеряли, наверное. В скверике около школы. Оно нераспечатанным было, вот я и подумала...

– Ой, правда? Вы письмо нашли? – сбросив цепочку, с готовностью распахнула дверь Варя.

Женщина стояла за дверью, одной рукой протягивая ей конверт и варежку, другой придерживая собаку на поводке. Варя взяла конверт, прижала его к губам, потом так же нервно прижала его к груди, с благодарностью взглянув на женщину.

– Ой, спасибо вам больше... Спасибо... Даже не знаю, как вас благодарить! Да вы заходите, заходите, пожалуйста!

– Ну что вы, я же с собакой... Да и в прихожей натопчу... Мотя, стой, куда ты?! Назад, Мотя! Как это он поводок у меня из рук вырвал... Не углядела...

Женщина перешагнула порог, а собака Мотя уже пробежала в комнату, откуда послышался восторженный визг детей. Видимо, этого визга испугавшись, Мотя притрусил обратно в прихожую, встал у ног женщины, виновато виляя хвостом.

– Как тебе не стыдно, Мотя! Смотри, какие грязные следы на линолеуме оставил! Мне стыдно за тебя, честное слово, ужасно стыдно!

Дети уже прибежали в прихожую, и Даша осведомилась вежливо:

– А можно нам ее погладить, тетенька? Ее Мотей зовут, да?

– Не ее, а его... Это мальчик, деточка. Как видишь, довольно непослушный. Хотя по возрасту уже старичок... Такой вот проказливый...

– А как вас зовут, можно спросить? – все еще прижимая к груди письмо, тихо спросила Варя.

– Лидия Васильевна.

– А я вас вспомнила, да... Я сегодня из храма выходила, и вы мимо шли... С собакой...

– Ах да... То-то я думаю, отчего мне ваше лицо знакомым показалось?

– Спасибо, спасибо вам, Лидия Васильевна! Вы даже не представляете, что значит для меня это письмо!

– Отчего же не представляю? Как раз и представляю, судя по обратному адресу. Потому мы с Мотей и решили его отнести. А теперь нам пора идти... Идем, Мотя, идем... Все вам доброго, до свидания...

Лидия Васильевна уже повернулась к двери, но та вдруг сама открылась, явив удивленное и в то же время очень суровое лицо квартирной хозяйки.

– Что здесь происходит, Варвара? – спросила она сердито, входя в прихожую и оттеснив растерявшуюся Лидию Васильевну. – Почему посторонних в квартиру пускаешь? Ты же говорила, у тебя нет ни близких знакомых, ни родственников! Да еще и с собакой! Утром новые жильцы должны прийти, а в квартире псиной будет вонять! Что это такое, Варвара?

– Даша, возьми Мишу, идите в комнату... – тихо попросила Варя, и дети послушно ушли, будто понимали, какая их матери предстоит экзекуция.

– Что это такое, Варвара, я тебя спрашиваю? – уже более грозно спросила женщина.

– Да я вам сейчас все объясню, Анна Глебовна! Моя дочка сегодня письмо от моего мужа потеряла, а эта женщина нашла его и принесла... Только и всего...

– Ну ладно, ладно... некогда мне вникать в подробности твоей жизни... Мне надо, чтобы ты квартиру освободила. Ты вещи уже собрала? Сегодня можешь выехать?

– Как – сегодня? – опешила Варя. – Вы же говорили – завтра утром...

– Да какая разница, господи! Сегодня, завтра! Мне уже надоела вся эта канитель, как ты не понимаешь! Два месяца за квартиру не платишь, еще и торгуешься, завтра или сегодня! В общем, даю тебе час времени, и больше слушать ничего не хочу! Я не уйду из квартиры, пока ты не вынесешь свои вещи и не уйдешь, Варвара! Слышишь меня?

– Я слышу, Анна Глебовна, да... Только идти мне некуда, совсем некуда! Не в ночь же – с детьми...

– А о чем ты раньше думала? Я же давала тебе срок – уж сколько раз давала! И все у тебя какие-то отговорки!

– Да, но... У меня сын заболел, температура высокая... Надо «Скорую» вызвать... Понимаете, ему сейчас нельзя на улицу! Дайте мне хотя бы еще день! А завтра к вечеру я квартиру освобожу, обещаю...

– Нет! И слышать ничего не хочу! – помахала указательным пальцем перед Вариним лицом Анна Глебовна. – Сколько можно мне нервы мотать, уже сил никаких нет! Я требую покинуть мою квартиру немедленно! И не надо мне тут... про детские болезни... Разжалобить меня хочешь, да? Не получится, и не надейся! Ну, чего стоишь? Иди собирай вещи!

Варя всхлипнула и будто обмякла, безвольно опустив плечи. Потом повернулась медленно, чтобы уйти в комнату... И услышала, как звонко и негодуяюще прозвучал голос той самой женщины – Лидии Васильевны. Она все это время так и стояла в дверях, за спиной хозяйки:

– Да как вы можете? Как можете, я не понимаю! Она ж вам объясняет: ребенок болен, «Скорую» надо вызвать! У вас что, сердца нет, что ли? Да я сейчас... Я полицию вызову, вот что!

Анна Глебовна напряглась, будто ее пихнули кулаком в спину, брови ее удивленно поползли вверх. Обернувшись к Лидии Васильевне, произнесла возмущенно:

– Это у меня, что ли, сердца нет? У меня? Да я два месяца уже... Ни копейки с нее не получила... А вы сразу – полицию... Да просто у меня терпение лопнуло, вот и все... Почему это в моей квартире должен кто-то за просто так жить? Ведь ясно же, что она долг не заплатит! Я уж и не надеюсь на это, лишь бы квартиру быстрее освободить!

– Я завтра принесу сюда деньги за три месяца проживания – вас устроит? За два месяца долг и за месяц вперед. Сколько нужно? Говорите!

– Так это... Пятнадцать на два, да еще пятнадцать... Сорок пять тысяч получается, как с куста...

– Хорошо. Пусть будет сорок пять тысяч.

– И что, правда принесете? Или просто так обещаете, чтобы я ушла?

– Завтра утром деньги будут здесь. Обещаю. И оставьте девочку в покое, пожалуйста. Хотя бы до завтра... Идем, Мотя, поздно уже, нам домой пора. Идем...

Лидия Васильевна шагнула за дверь и не услышала, как Анна Глебовна обиженно проговорила ей вслед:

– Ненормальная какая-то, честное слово... Сорок пять тысяч за чужих людей выкинуть, да кто ж поверит? Врет, поди, не принесет...

Подумав немного, она развернулась и ринулась вслед за Лидией Васильевной:

– Постойте, подождите меня, я с вами... Если вы можете заплатить... Так отчего ж сегодня нельзя? Я с вами могу пойти, давайте...

– Что ж, идемте. Сегодня так сегодня, – обернулась от лестничного марша Лидия Васильевна. – Я готова, что ж. Идемте, я недалеко живу.

– Ага, ага... Идемте... – радостно кивнула головой Анна Глебовна. – А собачка ваша меня не укусит? Она не злая у вас?

Лидия Васильевна ничего не ответила, просто обратилась к Моте:

– Эта женщина пойдет с нами, Моть... Ну что ты встал как вкопанный? То поводок не удержишь, то вдруг тормозишь... И не ворчи, будь вежливым, Мотя, прошу тебя!

Анна Глебовна покосилась на собаку, потом глянула на хозяйку и снова подумала про себя: «Точно ненормальная...»

Варя, прекрасно слышавшая их диалог, долго не решалась подойти к двери и закрыть ее. Не верила, что так может все обернуться. Может, ей показалось и Анна Глебовна сейчас вернется?

* * *

Лидия Васильевна шла быстро, и Мотя повизгивал недовольно, пытаясь натянуть поводок и образумить хозяйку – ишь как шагает! Видно, что сердится. Но не на него, конечно, а на ту самую тетку, что бежит за ними, запыхавшись:

– Да постойте, я ж вам говорю... У меня астма, я не могу так быстро ходить... Постойте, поговорить надо!

Лидия Васильевна остановилась так резко, что тетка налетела на нее с разбегу, еще и Моте на лапу наступить умудрилась. Тот взвыл коротко: да что ж это такое, помилуйте! То они бегут, а то вдруг тормозят резко...

– Подождите... Пожалуйста... – по инерции повторяла Анна Глебовна, придерживая дыхание.

– Я жду, как видите. О чем вы хотите со мной поговорить? Кажется, все предельно ясно. Я сейчас отдам вам деньги. Что еще?

– А почему вы со мной так разговариваете, интересно? – вдруг взвилась Анна Глебовна, взмахнув руками.

– Как? Как я с вами разговариваю? – ответила вопросом на вопрос Лидия Васильевна.

– Как-как... Неуважительно, вот как!

– А вас еще и уважать надо после всего?

– Да после чего «после всего»? Вы же не знаете, как все было... Думаете, мне эту несчастную девчонку не жалко, что ли? Если бы не жалко было, так вообще не пустила бы... Да у нее ж на лбу написано было, что вовремя платить не сможет! Откуда у нее деньги? Одна, без мужа, двое детей на руках... Младший не в садике, значит, работать не может. А в детсад нынче сами знаете, как устроиться, да еще без прописки... Легче, наверное, в космос улететь, ага. У меня вон дочка тоже не может для внука места добиться... Ходит, ходит по всяким инстанциям, а толку – никакого! Ждите свою очередь, говорят... А как ждать-то, если на работу выходить надо? Без денег ведь не проживешь... А у этой Варвары и вообще шансов нет место в детском саду получить, без прописки-то!

– А как так получилось, что у нее прописки нет? Ведь жила же она где-то раньше...

– Жила. Замужем была. А мужа взяли да посадили. А потом как все было – я подробно-стей не знаю... Вроде как свекровь из квартиры ее вместе с детьми выгнала.

– Но так ведь не может быть, чтобы дети нигде не были прописаны... Это же не так просто – взять их и выписать, опека же не позволит!

– Ой, да я ж говорю – не знаю всех тонкостей, как да что! Варвара пришла ко мне по объявлению, заплатила за два месяца вперед. Ну, и жила два месяца... То есть уже три, получается... А потом все. Платить перестала. Просила в положение войти, мол, нечем пока платить. А я ж добрая, я пожалела ее. Вошла в положение. Но сколько можно в него входить-то, я ж тоже не могу до бесконечности! Мне тоже деньги нужны... Сын у меня без работы, невестка в декрете сидит... И дочь тоже не работает... А пенсия у меня – всего ничего! Сама белого света не вижу, детям помогаю, сырым да вареным несус... Уж измаялась вся... А вы говорите – сердца нет! Это у меня сердца нет, что ли? Да другая бы на моем месте в первый же неуплаченный день возиться не стала, выставила с вещами на улицу! И вся недолга!

– И куда бы она – с больным ребенком? На ночь глядя?

– Ну вот опять вы... Я ж объясняю – два месяца без своего законного дохода живу... Сколько можно-то? И без того каждую копейку считаю! А мне ведь уже много годочков-то, без малого семьдесят, самой бы пожить в покое, да не получается! А далеко нам еще до вашего дома идти? Я так устала сегодня, целый день в бегах, в бегах... И замерзла сильно... Пока бежала за вами, вся спина взмокла, а теперь так холодно, как бы не простыть...

– Да мы пришли уже, вот мой дом. Идемте, согреетесь. Я вам горячего чаю налью.

– Ой, вот за это спасибо! А то мне болеть-то никак нельзя! Я ж мотаюсь между детьми и внуками, как... Как это, которое в проруби... Я смотрю, вы дама культурная, уж при вас не буду некрасиво выражаться.

Около двери в квартиру Мотя выказал явное недовольство нахальной гостьей, гавкнул пару раз. В конце концов, это его святая обязанность – хозяйку охранять! Пусть она слышит, и ценит, и мотает на ус, что он не зря свой хлеб ест! Да только разве она оценит?

– Мотя, прекрати! На место, Мотя. Вот так, ложись в прихожей на коврик и веди себя достойно. Не выступай. Когда тебя попросят, тогда и выступишь.

Он снова твякнул обиженно: это он, что ли, выступает? Вот это да... Как лучше хотел, а получил такую черную неблагодарность... Ну и ладно тогда. Коврик так коврик. Сама разбирайся с этой наглой теткой. Она мне на лапу наступила, а ты даже внимания на это не обратила!

– Не обижайся, Мотя. Потом с тобой разберемся, ладно...

Анна Глебовна, пока снимала шубу в прихожей, с удивлением наблюдала это странное общение. Потом вздохнула незаметно: наверное, эта женщина совсем одна живет. Поговорить совсем не с кем, так хоть с собакой...

– Ой, а как вас звать-то, я и не спросила даже! – повернулась она к хозяйке квартиры.

– Лидией Васильевной меня зовут. Да вы проходите пока в комнату, я сейчас чайник поставлю...

– Ага, ладно. А я Анна Глебовна, стало быть. Будем знакомы.

Лидия Васильевна ушла на кухню, а Анна Глебовна осторожно шагнула в гостиную. И остановилась, оглядывая пространство. Любопытно же, как люди живут...

А эта Лидия Васильевна хорошо жила, по всей видимости. Богато. Вон мебель какая... Видно, что не из дешевых. А паркет-то какой, надо же! Дубовый, наверное. А ковер на полу, ковер! Ноги сами в нем утопают! И диваны мягкие, кожаные... И телевизор во всю стену, такой большой, больше уж некуда. Теперь понятно, конечно, откуда у этой Лидии Васильевны доброта да щедрость взялась, при таком-то хорошем достатке... Еще и устыдила ее, надо же! Сама бы так пожила, как она...

– Вот деньги, возьмите! – Анна Глебовна вздрогнула, услышав за спиной голос хозяйки. Обернулась – стоит в дверях. Протягивает ей купюры.

– Только у меня в долларах... Вы не станете возражать? Тут ровно восемьсот... Этого хватит, наверное? Я за курсом не слежу как-то...

– Хватит, хватит! – почти с нежным благоговением приняла в руки купюры Анна Глебовна. – Еще и лучше, что в долларах. Правда, лишку немного получается... Но я учту потом при расчетах... День в день...

– Да ладно, как хотите. Вы садитесь, я сейчас чай принесу.

Хозяйка ушла, а Анна Глебовна продолжила осмотр гостиной. Да, богато все, красиво. А стены сплошь в фотографиях. На одних мужик все время улыбается, представительный такой, в дорогих очках, на других парень-красавец, и тоже улыбается, и тоже в очках. А вот они вместе – мужик и парень... О! А это кто? Неуж сама хозяйка квартиры? Не узнать, совсем не узнать... Красавица какая, просто глаз оторвать нельзя. А вот она еще, обнимает одной рукой мужика, другой – парня... Видать, на курорте где-то. Вон и море видно, и пальмы.

– Садитесь, пейте чай, пока горячий.

Снова вздрогнула Анна Глебовна, услышав за спиной голос хозяйки. Почему это она не слышит, как та входит, и пугается все время? Хотя и немудрено: по такому ковру ходить – шагов не услышишь...

– А это кто на фотографиях? Ваш муж, наверное?

– Да, это муж. И сын.

– Ага, ага... То-то я смотрю, очень похожи. Прямо красавцы оба. А кто ваш муж по профессии? Наверное, начальник какой-нибудь, да?

– Нет. Он адвокат. Вернее, был адвокатом...

– Почему – был? А где он сейчас?

– Он умер.

– Ой, извините, я ж не знала... Пристала к вам с расспросами...

– Ничего.

– А сын? Он с вами живет, да?

– Нет. Сын тоже умер.

– Как?! Такой молодой? Что, болел сильно?

– Нет. Он был абсолютно здоровым человеком. Его убили. Он сыщиком был... Частным сыщиком.

– Бандиты убили?

– Ну... Можно сказать и так. Садитесь, пейте чай. Вам лимон положить?

- Да, если можно... А давно это было, да?
- Что – давно?
- Ну... Давно вашего мужа и сына на свете нет?
- Давно. Пятнадцать лет уже.
- Да, давно... И вы так, стало быть, и живете – совсем одна?
- Да. Стало быть, так и живу.

Анна Глебовна вздохнула, с шумом отпила чай. Потом проговорила грустно, подняв глаза на Лидию Васильевну:

– Одной совсем, поди, плохо, понимаю... Я вот жалею, что между детьми болтаюсь, как... как это самое... А оно все лучше, чем одной-то быть... Вы уж простите меня, Лидия Васильевна, если обидела вас чем. Я ж не со зла... Вообще-то я добрая, это просто жизнь наша такая. Иногда и очень хочешь быть добрым, а жизнь под ребро кулаком тычет да заставляет быть злой...

– Мне не за что вас прощать, Анна Глебовна. Я все понимаю. Тем более вопрос добра и зла мы с вами решили посредством денег, не так ли?

– Ну да, ну да... Решили, конечно. А только через месяц он ведь опять встанет, этот вопрос. Через месяц деньги у Варвары не появятся, чтобы за квартиру платить, я точно знаю. И что тогда? Опять я буду злая, да? Или вам опять придется быть доброй?

– Не знаю, что вам и сказать, Анна Глебовна... Давайте сначала проживем этот месяц, а там видно будет. Может, за это время Варя работу себе найдет?

– Да кто ж ее возьмет – с маленьким ребенком? Да и куда она этого ребенка денет, интересно? На нянюку ведь тоже деньги нужны! Прямо замкнутый круг получается, правда?

– Действительно – замкнутый круг...

– Так а я о чем! Я ведь о том и толкую, что всем не поможешь! А если уж взялся кому-то помогать, то уж надо помогать до конца... Полумеры-то никого еще не спасли. Сами ж понимаете.

– Да, я понимаю... Да, надо помогать до конца...

– Ну так я тогда визиточку свою вам оставлю, ага? Вдруг вы решите еще за месяц платить, чтобы Варвара в моей квартире жила... И еще... А там уж как Бог даст...

– Да. Оставьте визитку, пожалуйста.

– Ага, ага... Сейчас принесу, они у меня в сумке, визитки-то. Это меня зять научил, чтобы все достойно-благородно было. Раз, говорит, квартиру сдаешь, так и визитки должны быть. А я что, я заказала... И правда удобно. Можно сказать, в ногу со временем...

Не допив чаю, Анна Глебовна метнулась в прихожую и вскоре вернулась обратно, положила на край стола картонный прямоугольник:

– Вот... Тут мои телефоны есть – и сотовый, и домашний... А на обороте я вам телефончик Варвары запишу, если не возражаете. Мало ли, вдруг пригодится.

– Да, запишите. Вон там, в вазочке, ручку возьмите.

– Ага... Ну вот и договорились... Это же такое благое дело – человеку помочь! Я бы на вашем месте тоже бы помогла...

Анна Глебовна вздохнула, еще раз многозначительно обежав взглядом пространство гостиной.

– Вам чаю еще налить? – вежливо спросила Лидия Васильевна.

– Да, если можно... Больно уж у вас чай вкусный. Давно такого не пила. Я уж вам говорила, что скромно живу, достатка большого не имею и на продуктах, бывает, экономлю. Что получше – детям несу, что поплоче – себе оставляю. Хотя хороший-то чай страсть как люблю... Это какой мы пьем? Цейлонский?

– Нет, это мне знакомые из Вьетнама привезли. Это артишоковый.

– А... Я и слов-то таких не знаю... Артишоковый... А вы с мужем-то, поди, часто раньше за границу ездили?

– Да. Часто. И с сыном тоже, все вместе...

– Поди, и не работали, при таком-то муже?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.